

ПРИЛОЖЕНИЕ

©1998 г.

NILI ANCYRANI NARRATIO DE CAEDE MONACHORUM IN MONTE SINA

НИЛА МОНАШЕСТВУЮЩЕГО ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ МОНАХОВ НА ГОРЕ СИНАЙСКОЙ И О ПЛЕНЕНИИ ФЕОДУЛА, СЫНА ЕГО*

Перевод с древнегреческого и комментарии *Д.Е. Афиногенова*

Оказавшись же на вершине горы, не знаю, каким образом, – ибо рассудок не сопутствовал телу, следуя за уводимым и размышляя о его несчастье, – и уже не видя сына, скрывшегося из глаз из-за дальности расстояния и теперь, наверное, пребывающего в безысходности²¹, я обратил речь к Богу, и жалея плененного сына, и оплакивая убитых святых: «О блаженные и триждыблаженные, – говорил я, – Где теперь ваши труды воздержания? Где усилия стойкости? Такой венец вы получили за долгую борьбу? Такая награда вас ожидала за блаженное подвижничество? Разве не напрасен путь праведности? Не тщетны усилия добродетели? Потому что Божественный промысел оставил вас без помощи, когда вам предстояло быть убитыми и справедливость не противостояла убийцам, но беззаконная десница совладала с телами преподобных, и нечестие хвалится победой над благочестием, кичась, конечно же, перед истиной, как побежденной. Почему купина не зажгла древнее пламя? Почему не испепелила пожаром пришедших злодеев? И почему не приняла их, расступившись, земля, как в иное время она поглотила шатры и семейства, все собрание Корево? И почему остались в покое страшные ужасы Синайской горы, не поразив беззаконников звуком грома и бесчисленными вспышками молний?». Но сила отмщения бездействовала, не покарвав преступников невиданными перунами и громовыми ударами и не избавив мощной рукой жертвы преступления, чтобы и они изведали чудо, узнав невероятную мощь необоримой силы. Но благочестивые пали без помощи у самой купины и горы Закона, словно бессловесные

* Окончание. Начало см. ВДИ. № 2. 1998.

²¹ Греческий текст не вполне ясен: καὶ τοῦτου ἀπῆχανοῦτος λοιπὸν, ὡς εἰκόσ. Я перевожу местоимение τοῦτου как относящееся к Феодулу.

жертвенные животные. Где же была сила, потопившая египтян и сделавшая пучину их могилой? И где та, что поразила градовыми камнями иноплеменников, воевавших против Израиля, и доставила своему народу победу без труда и без крови, и опять-таки, в другое время, когда они напали на Святую Землю, наслала на них исступление и заставила сражаться между собой, не ведавших в помрачении, что убивают друг друга, и не узнававших умерщвляемых товарищей? Куда [эта сила] скрыла свое заступничество, не защитив обижаемых? Но дикую ярость львов и неодолимую мощь огня она обуздала, почтив добродетельное житие и громогласной вестью возвестив о благочестии отроков, – так как же она сделала сомнительной добродетель этих людей, оставив их лишенными всякой помощи и позволив им считаться недостойными попечения?». Но это говорит уныние и скорбь, которая даже старающихся мыслить здраво в несчастьях понуждает к хуле, и можно извинить страсть, овладевшую скорбящим и убеждающую его произносить многое даже против воли, подавленного, может быть, огромностью несчастий, потому что и праведных часто оставляла помощь, отдав их тиранам на мучения в разнообразных истязаниях и нечестивую казнь, чтобы обнаружилось испытанное мужество борцов и воссияла лучезарная сила веры, не утратившая дерзновения вплоть до смерти, но в страдании побеждающая все бешенство мучителей.

Поскольку и оставшиеся не захотели покинуть пустыню, предпочитая смерть безразличной²² городской жизни, так же и убиенные решили лучше умереть, чем выносить царящее во вселенной зло, потому что они знали, что душевная смерть хуже телесной и что пасть во грехе опаснее, чем от меча, поскольку второе несет краткую и временную боль, а первое – долгое и непрестанное наказание.

Когда же варвары, перебив и ограбив многих других по пустыне, отошли на изрядное расстояние, а ночь уже давала возможность выйти, мы, спустившись, занялись погребением тел, и нашли двоих уже давно умершими, а одного святого еще дышащим и способным как-то разговаривать. Итак, сев рядом с ним, мы провели всю ночь, оплакивая случившееся, а старец увещевал нас не удивляться таким искушениям и говорил: «Ведь у сатаны в обычае испрашивать у Бога искушаемых. Скольких близких Иова он убил, одних погубив огнем, других мечом, третьих падением дома. Но пусть эти события – говорил он, – не смущают вас. Ибо Устроитель состязания знает, с каким замыслом отдает борцов противнику, положив для тех, кто благодарно принимает удары, славные награды и призы, такие, как явленные у великого Иова, получившего вдвойне все, что казалось утраченным, а вернее, и много больше, и несравненно превосходящего. Ибо чего не видел глаз, и не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, вот что *приготовил Бог* (1 Кор. 2:9) подвизавшимся за Него в состязаниях благочестия, превыше и ощущения, и ума. Потому что так подобало великодаровитому Богу превзойти труды воздаянием и затмить венцами состязание, и дать подвижникам то, что они не надеялись и не чаяли получить, чтобы и причитающееся вознаграждение выплатить, и сделать из воздаяния благодать из-за превосходящей чести».

Так говорил он и приветствовал присутствующих поцелуями, пока у него были силы произносить слова и двигать языком. Потом мы со слезами предали его после кончины земле вместе с остальными и сумели добраться до вас, пока темнота еще делала наш приход незаметным. Из убиенных же двоих звали Павел и Иоанн, а пресвитера – Феодул. А умерли они, обретя совершенство, на восьмой день после Богоявления, то есть четырнадцатого числа января месяца. Ибо благоговейные, желая приобщиться к памяти святых, обязательно стараются узнать и день, и имена. Были убиты и другие, за много лет до того, и их поминовение совершают тоже в этот день из-за дальности пути и множества собирающихся²³.

5

Пока мы еще это говорили, пришла весть, что кто-то спасся из [варварского] стана, и через короткое время он прибыл к нам, еще не стерев с лица следы испуга и не в силах успокоить душевное волнение, и к тому же тяжело дыша от долгого бега, в тревоге и смятении, как будто

²² То есть не различающей добро и зло (ἀδιαφόρου).

²³ Существует повесть некоего Аммония об этих более ранних убийствах монахов бедуинами на Синае и в Ранфу.

преследователи были близко и уже нагоняли его. Затем на вопрос о том, как он убежал, он отвечал: «В разговорах за ужином они обещали утром принести в жертву звезде меня и твоего сына и воздвигли алтарь и положили дрова, причем мы не знали, для чего. И сказал мне это один из товарищей по плену, который сумел тайком расслышать их речь¹. Я же дал [мальчику] знать о намерении варваров, и говорил, что если мы не спасемся бегством, утром не засияет нам живым солнцем и не видеть нам больше этими глазами лучи света. И он, побоявшись быть схваченным, остался, ответив, что не избежит воли Божией, где бы он ни был, даже скрываясь в потайных местах.

Я же, когда в темноте увидел, что всех одолел сон – они ведь находились и в сильном опьянении, – сначала пополз, припадая к земле, чтобы, даже если кто-нибудь бодрствовал, он не обнаружил меня по очертаниям возвышающегося тела, а затем, немного отдалившись от стана, побежал бегом, держа направление сюда и быстро несясь на крыльях страха. Рассудил я, что или бегством ускользну от намеченного ими убийства, или, схваченный, не претерплю ничего сверх предрешенной смерти, и вообще, предпочел неизвестность надежды верному злу. Ибо от той опасности, которой нельзя было избежать оставшись, естественно было уйти, вверив спасение помощи ног. Ведь мне известно, что многим и многократно они помогли больше, чем тысячи защитников, потому что ноги лучше других заботятся о собственном спасении, полагая все происходящее общим для всего тела. И вот, я не обманулся в своем намерении, но спасся благодаря тому, на что я полагаюсь сразу вслед за Богом, и прибыл к вам, не претерпев, как видите, никакого зла. Страх же перед свирепостью варваров все еще стоит в моих глазах, я в ошеломлении от незаконных их дел и полон ужаса от того, на что они осмелились.

Ибо, схватив в пустыне моего господина² вместе со стратигом, когда те, закончив общественные дела, возвращались к вам, они отвели их к себе со всем имуществом, причем стратига, оказавшего сопротивление, изрубили в куски вместе со слугами, а моего – с сыном (а тот был, как вы знаете, совсем молоденький мальчик), подчинившегося им, увели с собой. Поскольку же солнце уже приближалось к горизонту, они расположились лагерем там, где их застал вечер, и, устроив обильное угощение из награбленного у нас, взяли в сотрапезники и его с отроком, веля быть спокойным и совершенно ничего не бояться: он, мол, вернется домой целым и невредимым – так они обманывали – вместе с сыном, потому что остальных достаточно для выкупа двух душ. И немного спустя они, казалось, начали исполнять обещание, приказав, чтобы те явились к ним, неся с собой воду и хлебы для пропитания, ради правдоподобия уловки, дабы надежда на жизнь благодаря припасам придавала обману достоверность, и лицедейство казалось истинной заботой, а варварская хитрость не вызывала никакого подозрения в искусном злоумышлении. А вместе с ними послали двух уже возмужавших юношей в качестве спутников, будто бы ради безопасности в пути, которым тайно поручили, отведя на небольшое расстояние от стана, зарубить их. Итак, провожатые, напав на них вышесказанным образом, закалывают мальчика прежде отца, чтобы тот мучился вдвойне, и видя убийство, и изведав смерть. И сразу множеством ударов прикончили и его, громким голосом стенавшего об их вероломстве и обмане, – ибо мы слышали, как один жалобно рыдал, а другой кричал от боли и при каждом ударе испускал мучительный вопль, по звуку позволяя судить о наносимых ранах.

Итак, он, обманутый благими обещаниями, изведав жалостную погибель. Ибо следовало ему по бедствиям других догадаться о своих собственных, благодаря чему избежать смерти было уже нельзя, но можно было бы претерпеть ее, давно ожидаемую, более сносным образом – ведь неожиданная беда, приступив, обязательно приводит в смятение, а ожидаемая, найдя разум готовым изведать ее, делает несчастье легче, поскольку оно уже было многократно рассмотрено в мыслях и пришествием своим не удивило подготовленного. Дело в том, что вечером, за ужином, на котором они чествовали его здравицами, они захотели поиграть в обычную и любимую ими игру – заключалось же предстоящее развлечение в убийстве и заклании человека – и послали выпить одному из его слуг (а другого они убили перед тем). Тот же насилие принял по принуждению, потому что жажда из-за страха умерла у него еще прежде тела, но все-таки, испугавшись, принял. Ибо когда он пил, принуждение было очевидно, выдавая недобровольность насильственным бульканьем, потому что уста его не посылали питье в горло спокойно, но глотательные мускулы, будто омертвев и не проталкивая как

¹ Что здесь имеется в виду, не вполне ясно: возможно, этот пленник знал язык варваров и поэтому мог понять, что они говорили. Однако из дальнейшего как будто бы следует, что языковых проблем между варварами и их жертвами не было (что было бы вполне естественно, если и те, и другие говорили по-арабски).

² Т.е. фаранского советника Магадона – см. ниже.

обычно, застаивавшееся и не проходящее питье, с трудом отправляли скопившееся между челюстями в гортань, словно в обрывистое ущелье, с громкими звуками глотков.

Затем они послали юношу умертвить его – ибо они поручают им убийства, с детства приучая к свирепости. И тот, ликуя, отправился на столь жестокое дело, смехом выказывая удовольствие от совершаемого, и, подойдя к лежащему, сначала ударил по шейным позвонкам, из-за твердости костей произведя небольшое рассечение. Потом, вытащив меч возле рта, он оттуда пронзил его от одного бока до другого, и, снова ударив по первой ране, вернулся, приплясывая и потрясая мечом в воздухе. Тот же долго дергался от боли и со стонами извивался в крови, а в конце концов свернулся, пригнул голову к животу, подтянул туда же ноги, и, как будто желая подняться в такой позе, скатился на лежавшие рядом раскаленные уголья. И, видимо, ощутив еще большую боль от огня, он вынужден был снова, словно рыба, задержав руками и ногами еще сильнее, постоянно поднимая кверху обожженные части тела. Но будучи уже неспособен помочь себе, потому что сила истекла из него вместе с кровью, он так и умер, истаяв, на костре, наказанный одновременно двумя мучениями, от меча и огня.

На следующий же день после этой драмы, когда мы путешествовали, как в пустыне, не прямым путем, но скитались, вынужденные среди пересеченной местности двигаться то туда, то сюда, огибая отвесные скалы и переправляясь через нехоженные и труднопроходимые овраги, они увидели с большого расстояния место, где росла кое-какая трава, и из-за зелени сочтя его удобным для стоянки, или же рассудив, что там живет кто-то из монашествующих, нацелили движение туда, направляя ход вьючных животных словно из открытого моря в гавань. Придя же, они нашли, что место это не хуже их предположений и не обмануло надежды ложным впечатлением, потому что там было изобилие воды, своей чистотой радовавшей зрение еще прежде вкуса, а во рту приятностью вкуса обличавшей удовольствие зрения как ничтожное, была и трава, пригодная для выпаса животных. Итак, сняв с верблюдиц поклажу, они отпустили их пастись на воле, а сами побежали к воде, и стали пить, плескаться, умываться, просто не зная, как воспользоваться обилием воды. Приплясывая возле нее и восхваляя источник, они увидели у подножия горы некий след хижины, и все побежали к ней на одном дыхании, соревнуясь опередить один другого, и, приблизившись, обступили пещеру. Ибо таково было это жилище, обнесенное у входа немногими камнями, чтобы звери не имели в него легкий доступ из-за открытости. Потом, вбежав туда по одному – потому что больше не помещалось – они вывели мужа, почтенного и видом, и нравом, и потащили за собой, не смутившегося, не поблдевшего. И поставив его на какой-то скале, они умертвили его камнями (потому что мечей у них не было), смеясь и припевая.

Затем, отойдя оттуда на небольшое расстояние, они схватили другого юношу, бледного, исхудавшего и несшего на лице приметы своего образа жизни, и его они так же прикончили мечом, причем он издавал благодарственные восклицания и выражал им признательность за то, что они лишили его жизни, пока он держался добродетели. Ибо он говорил, что немало страшился неясности конца, как бы преткновение воли или какая-то внешняя причина не сломила твердость его намерения, убедив или заставив мыслить нечто иное помимо данных Богу обетов.

Не намного мы отошли оттуда, и вот появляется некое зеленое место – а такой вид ему придавали растущие деревья – и снова бегут к нему варвары, соревнуясь в быстроте ног. Приблизившись же, они нашли маленький домик и в нем подростка, чьему мужеству и благородству подивились и сами варвары. Ибо он не согласился показать скрытые кельи и тем спастись, что ему было обещано, если покажет, и не пожелал ни выйти из хижины, ни снять хитон, сказав, что выдать могущих укрыться есть предательство, а повиноваться вообще какому бы то ни было принуждению – трусость и низость. "Ведь упражняющимся в величии души, – сказал он, – непозволительно уступать страху, пусть и кажется, что угроза несет немалую опасность. Ибо привычка становится дорогой к большему, и трусость, раз научившись брать верх, велит пренебрегать и великими благами и учит предавать само благочестие, если страх перед несчастьями найдет волю уже павшей из-за трусости. Ведь если сейчас я легко отброшу самостоятельность и самовластие помысла, опасаясь скорой смерти, разве, если мне будут предстоять пытки и угрожать истязания, я не перевернусь на сторону нечестия, приученный предпочитать полезному безболезненное? Поэтому, отчаявшись добиться ожидаемого, не медлите сделать то, что хотите, потому что я и мест, где живут боголюбивые, не укажу, хотя знаю их, и за дверь не выйду по вашему приказу, и гиматия не сниму, чтобы, пока я еще в сознании и владею своим выбором, меня не увидел кто-нибудь обнаженным и не узрел тело, доселе невидимое для моих собственных глаз. После же смерти пусть над бесчувственным каждый творит все, что захочет, ибо это не упрек воле как побежденной, но невольное претерпевание бесчувствия, когда помысел, способный и обязанный противиться, уже отсут-

ствует. Ибо бездушное, конечно, бесчувственно, а бесчувственное непричастно страсти, непричастное же страсти по общему признанию свободно от обвинений за то, что претерпевает, равно лишенное власти претерпевать и не претерпевать. Посему я умру внутри и в одежде, как мне заблагорассудилось, и не сделаю ничего против воли, насильно, словно раб, — я буду убит на той же площадке, где и состязался, и могилой будет мне эта хижина, давно принимающая пот добродетели, а сейчас — кровь доблести".

Злодеи, не вытерпев такой его смелой речи и разъяренные мужеством его духа, словно взбесились и умертвили его столькими ударами, сколько вмещало тело. Ибо каждый, желая выместить на нем гнев, не считал достаточным возмездием клинки предыдущих, если сам, погрузив меч, не утолял негодования собственноручно. Посему среди них было больше тех, кто поразил этого благородного человека мертвым, чем живым, и тогда только они ушли, пылая гневом, потому что истязаемого тела не хватило им для более тяжелой кары.

После же него нам встретились три пугника в пустыне, которые немного утихомирили их еще распаленную ярость, удовлетворив остатки того бешенства, в которое он их привел. Ибо как дикие звери или охотничьи собаки, если добыча только покажется и убежит, раздражаются из-за неудачи и приходят в большее бешенство и попавшееся снова преследуют с большим рвением, возмещающая прежнюю праздность вторичной надежностью, так и эти гнусные убийцы побежали к появившимся людям и, вытащив мечи еще до приближения, умертвили их сразу, как только добрались, напав на них с такой свирепостью, с какой обрушились бы на разозлившего их, если бы схватили его еще раз. И еще не вложив мечи в ножна, но держа их в руках обнаженными и испачканными горячей и дымящейся кровью, они увидели две кельи³ в том месте, где проходили, расположенные не прямо на дороге, а сбоку по обе стороны, на расстоянии тридцати стадий друг от друга и пятнадцати — от того места, где мы находились, обе на равном удалении, словно точки окружности от центра круга. Итак, разделившись, они пошли по половине на каждую, оставив на месте награбленную добычу вместе с вьючными животными. И в южной келье я не знаю, кого убили и как, а того, что жил к северу, когда он, почуяв наше приближение по стуку стрел в колчанах из-за быстрого бега, пустился в бегство, они, натянув луки, пронзили множеством стрел. Затем, когда он упал ничком, они, подойдя к нему, не оставили его умирать от уже полученных ран, которых было для этого достаточно, но еще дышавшего и бывшего при смерти перевернули на спину и рассекли от паха до ребер, а вывалившиеся из разреза внутренности, повисшие на боках с обеих сторон, стали тыкать копьями, пока не растерзали и их, прежде чем уйти.

После этих дел я, как уже раньше говорил, убежал, а что стало с твоим сыном, который остался, — не знаю. Оставил я его живым, но не с доброй надеждой насчет его жизни из-за перешептываний о [предстоящей ему] смерти».

6.

Так что же претерпел я в душе (если была еще у меня душа), услышав это и явственно помня ночное видение, — ибо во сне я читал письмо, недавно врученное мне кем-то из знакомых, причем снаружи свитка было написано: «После Бога владыке моему и отцу блаженный Феодул»⁴? Сердце мое разрывалось, внутренности раздирались, сила была в параличе, словом, я истаявал всеми членами, услышав весть, согласную со сновидением и уже не оставляющую сомнения или неуверенности в предположении о кончине, достоверность которого подтверждали два свидетельства. И словно оглушенный внезапным грохотом столкнувшихся туч, я уже не плакал и не стонал, но пристально смотрел на него, не мигая, застывшим взглядом. Ибо управляющая веками сила, конечно, оцепенела внутри меня и бездействовала, оставив мертвыми органы чувств, руководимые искусством природы. Ведь такое чрезмерное горе приводит людей в остолбенение и делает бесчувственнее камней, и удерживает внизу слезную влагу, густотой дыхания мешая ей пройти к глазам. И Божественным промыслом одна из бывших там женщин, чьим сыном был убитый отрок (ибо сумевшие укрыться уже оповестили о погибших), с трудом вывела меня из этого окаменения. Ибо когда она узнала, что сын ее был зарублен, мужественно сопротивляясь убийцам, она делом показала родство с ним, явившись поистине подлинной его матерью. Ибо надев праздничные одежды и переменив весь свой облик на более торжественный, она простерла руки к небу, воссылая к Спасителю Богу такие слова: «Тебе препоручила я сына, Владыка, и он у меня спасен и ныне, и до века; Тебе вверила отрока, и он сохранен поистине целым и невредимым. Ведь я не думаю о том, что он умер или

³ Как видно из контекста, слово *μοναστήριον* означает у Нила не «монастырь», а «жилище отшельника».

⁴ Эпитет «блаженный» указывает на умершего.

как окончил жизнь, но размышляю о том, что он избег всякого греховного опыта; не о том, что тело его было изранено и что он принял горькую кончину, но о том, что он принес туда чистую и непорочную душу и предал дух свой в Твои руки незапятнанным. Я исчисляю ранами награды и меряю ударами венцы: пусть бы и больше вместило твое тело, чтобы большее тебе было воздаяние. Оттуда воздай мне плату за чревоношение, оттуда доставь вознаграждение за роды, оттуда ниспошли цену вскармливанию. Раздели со мной награду за труды – ибо мы оба поработали сообща. Ты боролся, а я возлюбила раны, полученные в борьбе; ты подвизался, а я вместе с тобой радуюсь подвигу; ты противостоял варварскому гневу, а я воевала с тиранией природы; ты презрел смерть, а я преодолела жалость; ты терпеливо перенес боль заклания, а я выдерживаю пытку разрывающихся моих внутренностей. Мое равно твоему и не ниже его: ты побеждаешь остротой боли, а я имею преимущество в протяженности времени. Ведь смерть твоя была хоть и очень болезненна, но кратковременна, а я влачу долгую боль, хотя и переношу ее стойко, любомудрствуя. Я не нечувствительна к страданию, но усилием преодолеваю боль. Я страдаю, потому что узы моего чрева распадаются, и терзаюсь ланом утробы, но благоразумным помыслом сдерживаю восстающее оттуда страдание. Ибо что пользы в безумном плаче, если ушедший уже не возвращается? Поэтому я не стала подражать плотским матерям, немужественно горюющим при таких несчастьях, не последовала примеру телесных родительниц, считающих эту жизнь единственной, которые, не ведая будущей жизни, считают страшной и тяжелой разлуку с любимыми в настоящем. Я не разодрала хитона и не стала бить руками обнаженную грудь, не стала рвать на себе волосы, не царапала ногтями лицо, уверенная, что ты живешь у Бога непорочной жизнью и что вскоре будет у меня там кормилец на старости, когда каким бы то ни было образом разобьется и мой скудельный сосуд. Блаженна я в матерях, представив Богу такого подвижника, блаженна и триблаженна. Ибо теперь уже я поистине дерзаю хвалиться, когда ушел ты, о ком я боялась, как бы зависть не причинила мне через тебя что-нибудь плохое, замыслив угрозу твоей душе. Но иди, дитя, иди в добрый путь, иди. Ибо я не уступлю первенство праотцу Аврааму в тяжбе с ним, не захочу иметь второе место после него, потому что он, получив приказание, с усердием бесстрастно принес сына Богу как жертвенное животное⁵. Ведь не ясно, остался ли бы он бесстрастным и после жервоприношения, потому что многие, сохранив дух стойким в действии, по совершении его склонились к печали, раскаянием обличив природную слабость. Я же ныне мужаюсь и скорбное уныние переменяю на веселие, тогда как других время, снедая, являет побежденными страданием, своей длительностью понемногу подточив опоры их стойкости, тогда как память, обновляя язву, предоставляет помыслу досуг вволю размышлять о болезненности страдания. Ибо тяжело и очень трудно на протяжении долгого времени сохранить верное суждение непреклонным, потому что власть помысла легко склоняет к противоположному настроению. Некогда я оплакивала вдовство и стенала, как беспомощная, об утраченном попечении твоего отца – а теперь зачем лить слезы, зачем рыдать, раз у меня есть такой предстатель перед Богом, могущий и защитить оттуда в несчастьях, и дать моим сединам еще более щедрую опеку в старости, властно черпая из вечных милостей и изливая обильнее, чем из царских сокровищниц, над которыми ты начальствовал еще при жизни? Ибо в тех затраченное убывает, поскольку сложенное в них ограничено мерой, а у первых, льющихся дождем, никогда не будет недостатка в источаемых дарованиях».

От этого я, столь жалким образом расслабленный страданием сына, поник головой и, оказавшись мужеством слабее женщины, стыдился присутствующих, восхищался ею, насмехался над собой, восприняв слова благородной женщины как пощечину и осудив ее благоразумием свое безумие. Ибо посчитав справедливым обвинять Бога за то, что я претерпел, я тогда осознал свой грех, когда на примере женщины узнал, что можно вынести натиск любого несчастья. Ведь совесть, впавшая в уныние из-за видимой невыносимости, часто пробуждается к веселию трезвостью равным образом пострадавшего, научившись не уступать страданию легко у успешно совладавшего с ним.

Итак, совет жителей Фарана, услышав известия, решил не молчать о дерзком преступлении, но объявить о нем царю варваров. И послали они к нему двух так называемых у них скороходов, жалуясь на нарушение договорного перемирия. А такие службы исполняют юноши, у которых скоро начнет расти борода, немного старше эфебов, не носящие с собой ничего, кроме лука и стрел, дротика и огнива. Ибо этим они пользуются для выживания в дороге, одним для охоты, а другим – чтобы разводиться огонь для жаркого, потому что дров и хвороста у них в любом месте большое изобилие, поскольку растущее в пустыне никто не вырубает.

⁵ Ср. Быт. 22:1 сл.

А пока они совершали этот путь, мы вышли собирать тела, и, добравшись, обнаружили, что пятидневные убиенные не претерпели ничего, что естественно претерпеть многодневным мертвецам, не воссмердели, не увлажнились и не были тронуты имеющими обыкновение портить трупы хищными птицами или дикими зверями. А что они лежали столько времени, говорил и слуга Магадона – так звали убитого варварами советника. Были же это в Вифравии – Прокл, в Гефе – Ипаций, в монастыре Салаил – Исаак; Макарий и Марк, убитые вовне в пустыне, Вениамин в Элиме внешнем, Евсевий в Фоле и Илия в Азе – и из двух последних второго мы нашли со многими ранами, но еще живого, и, принеся, положили его в келье, а сами принялись за погребение тел остальных. Вернувшись же опять к нему, мы уже не застали его в живых, но нашли лежащего замертво у чаши с водой: очевидно, чувствуя жажду из-за воспаления ран, он, выпив, упал ничком на колени, и в таком положении душа оставила его, скончавшегося. Итак, предав его, как и прочих, погребению, мы вышли узнать, что ответил предводитель варваров. И только мы вошли в Фаран, как прибыли посланцы, доставившие от него послание с подтверждением мира и призывом к пострадавшим, особенно к родственникам еще живых пленников, прибыть к нему. Если же кто-либо хотел возмездия за убитых, он говорил, что готов выдать виновных для наказания, и соглашался вернуть всю добычу ограбленным. Ибо, как он писал, он не хотел нарушать условия мира, дорожа договором с ними из-за получаемых от них выгод. Ведь общение с ними доставляет немалую прибыль варварам, находящим в их благосостоянии помощь в нуждах своей бедности. Посему, приготовив дары и назначив послов для обновления нарушенного мира, они на следующий день отправили и их, и нас, чтобы мы, дескать, шли с доброй надеждой.

На восьмой же день нашего путешествия – ибо весь путь к нему занял двенадцать дней – мы стали испытывать недостаток воды, и была великая нужда в утолении жажды, и мы уже ожидали смерти, вечно подстерегающей в нехватках. Знатоки же тех мест говорили, что где-то поблизости есть источник, и это воодушевляло страждущих, преодолевавших настоящую беду чаянием будущего. Ибо грезящая надежда питает не хуже истины, утешая совершенное отчаяние ожиданием и своей рукой поднимая упавшие силы. Посему многие бежали, стремясь добраться до искомого прежде большинства и желая вволю вкусить того, в чем нуждались, и направлялись каждый в свою сторону, куда вела каждого надежда на успех, и, озираясь взглядом издалека, вели поиски пристальным взором, исследуя скрытое с помощью глаз, словно светильников. Шел и я, шагом следуя за бегущими впереди, как, может быть, сказал бы кто-нибудь другой, не поспевая за более сильными по недостатку сил из-за старческой слабости, а как скажу я, не желая унижать достоинство своего состояния беспорядочным бегом, – ибо я пока что не хуже прежнего мог совладать с потребностью, при том, что та умеет двигать тело и сверх сил, толкая устремление к цели даже несвойственным образом. Источник же лежал по ходу моего движения, но был скрыт за находившимся в промежутке холмом – ибо я, всякий раз оставляя расходившихся по сторонам, шел посредине, предполагая, что с какой бы стороны ни нашли искомое, я не окажусь от него на большом расстоянии. Когда же я слегка выглянул из-за холма, преодолев его вершину, то первым увидел и источник, и варваров, рассеянных вокруг него, и, наткнувшись на безжалостных врагов, не смутился от неожиданности и не был охвачен великим испугом, но, пребывая между страхом и радостью, утешал себя в таком злослучии и говорил, что или я найду у них сына и охотно буду в рабстве вместе с ним, наслаждаясь видом любимого и сладостным созерцанием смягчая тяготы рабства, или меня убьют, и мучительной скорби придет конец.

А они, вскочив, толпой побежали на меня, и, настигнув, пока я стоял, словно оглушенный, в размышлениях, безжалостно потащили. Те же, кто отправился за водой вместе со мною, увидев их, но еще ими не замеченные, развернувшись, молча пустились назад, скрытно и быстро, упав ниц и, словно пресмыкающиеся, ползком пряча свое бегство. А я, хотя меня терзали, волокли, каких только жестокостей ни творили, не обращал на это внимания и, раздираемый, даже не ощущал происходящего, но ум мой был всецело занят поиском отрока, и его я искал, озираясь блуждающими глазами, которые часто в подобии, а не по-настоящему придают внешним образам обличье того, о чем думаешь. Ибо уму в воображении кажется, будто он видит глазами то, что запечатлелось в его представлении, и из-за жажды увидеть это он придает всему вожеленный облик.

Немного прошло времени, пока это происходило, и вот, прибыли воины из нашего отряда и, появившись сверху на холме, вызвали у варваров великое смятение. Ибо когда они оповестили о своем присутствии боевым кличем, никто не остался на месте, но всякий клочок земли, задолго до того кишевший телами, сразу оказался пуст. Ибо каждый, поспешив спастись, пустился в бегство, не сумев ничего захватить с собой, и торопился бежать, как будто преследуемый паническим ужасом. Ибо такой напал на них страх перед увиденным – после

такой безбоязненности, что они даже не оглядывались на преследователей, боясь, что их догонят, но всякий раз, имея кого-то за собой, вытаскивали мечи, и разили некоторых, и многих убили, принимая собственное замешательство за присутствие воинов, пока расстояние, на которое они убежали, не дало им наконец-то перевести дух, позволив оглядеться и увидеть преследователей. Ведь страх заставляет считать опасность более грозной и побуждает воображать больше существующего в действительности, так как испуг преувеличивает происходящее. Итак, прибыв туда, воины нашли оставленное беглецами и устроили большое веселье из приготовленного теми, проведя там остаток дня.

Пропутешествовав же еще четыре дня, мы пришли в стан, и послы, о которых доложили, были приглашены на беседу с Аманом – таково было имя царя варваров – и, поднеся дары, получили благосклонный ответ, заняли шатер рядом с ним и отвели обильного гостеприимства, пока тщательные розыски не выявили награбленное при набеге. И они за короткое время закончили это, а у меня сильно билось сердце, и я с замиранием ждал вестей. И всякий шум, кто бы его ни издавал, казалось, нашептывал слух о том, к кому я стремился, и уши были чутки к звукам голосов, и ум внимал им, словно вестникам, ожидая, возвестят ли они о жизни или смерти мальчика. Ибо тот, кто не в состоянии разузнать о предмете своих стремлений и раздирается сомнениями, неустойчив и бросается ко всякой мысли, пока ясное объявление истины не разрешит безвыходной неуверенности и не успокоит разум, взбудораженный безвестностью.

А когда они пришли с не очень веселыми лицами, я, предполагая, что их мрачность указывает на плохие вести, сказал: «Не нужно слов – ведь ваши лица своим выражением повествуют о несчастье, и претерпевание вопиет прежде языка, видом предвещая то, что будет изложено словами. Меня не обманут правдоподобные объяснения и не перехитрят убедительно сочиненные речи. Вы ведь, наверное, придумали благовидный предлог, желая до поры скрыть под красивой ложью горестную правду. Я же не слушаю слов, которые могут принимать обманчивый вид правдоподобия, но вижу в лице претерпевание души. Ибо оно есть ее образ, отчетливо проявляющий ее потаенное расположение, и ему не присуще притворным обликом показывать въяе иное настроение, нежели то, которое есть у нее, таящееся в глубине. Ведь слово, когда захочет, из-за легкости произношения может весело рассказывать о горестном, придавая звукам такое строение, какое пожелает, наподобие уродливой гетеры, искусно скрывающей свой природный облик наведенными прикрасами и преобразующей правду обманчивыми красками. Лицо же не допускает скрывать душевные претерпевания, но становится беспристрастной судьей неявного, видимым выражением обличая тайное расположение и не умея вымученной улыбкой перехитрить горе, так что даже зеркало, по природе отражающее то, о чем говорит попадающий в него образ, не покажет омраченное скорбью лицо веселым и цветущим. Поэтому или скажите истину без притворства, о чем я вас и прошу, или знайте, что ваши лица уже высказали ее, как я говорил раньше. Ибо что пользы лживым утешением ненадолго воодушевить огорченного, а потом еще сильнее удручить его, когда горестная правда выйдет наружу?».

Итак, они, заверив меня многими клятвами, что он не умер, но живым продан кому-то из жителей города Элусы, советовали идти туда, ибо там, по их словам, я найду сына – горе же мое хоть до некоторой степени излечили, но не всецело. Ибо что же, размышлял я, если он жив, и худшее опасение смерти исчезло, но, проданный, находится в рабстве и лишен возможности жить вместе со мной? Ведь необходимость не дает удовольствию быть совсем чистым, преграждая путь устремлениям склонности и сдерживая свободу намерения чужой волей, тогда как душа по природе желает наслаждаться самовластием и беспрепятственно упиваться тем, что ей по нраву, как захочет, никем не принуждаемая служить нежеланному.

Однако позже я отправился в указанный город с двумя провожатыми, которых мне дали, и на пути встретился нам некий юноша, следовавший за вьючными животными. А это был тот, кто видел меня в стане и досконально знал о моих делах, и кто, оказавшись в Элусе и услышав разговоры о моем сыне, что он был пленен варварами, конечно, рассказал ему обо мне и, доставив ему письмо с благой вестью, нес [теперь] письмо от него ко мне. Завидя же меня издали, он начал приближаться с улыбкой, а я по воспоминаниям понял, что его черты мне не безызвестны и не кажутся на первый взгляд чужими. И оказавшись рядом со мной, он обратился ко мне с веселым лицом не как незнакомец и, протянув правую руку, завел ее за спину и, сведя лопатку к плечу, чончиками пальцев вытащил из колчана письмо, передал его мне и оповестил, что сын мой жив, призывая радоваться и не терять благих надежд из-за его рабства: ведь и купивший его – священник Божественных Таин Христовых, и мальчик начал служить в священническом чине. Пока ему доверены первые обязанности причетников, но своим старанием он подает большие надежды на скорейшее продвижение, дав за короткое

время много примеров добродетели и убедив всех принять такое решение, приведя их к этому благонаравием своего поведения. Я же, как бедняк и бездомный, отблагодарил его хвалебными восклицаниями и пожелал ему изведать многих благ, потому что мне нечем было почтить его за добрую услугу. А все промышление я отосил к Богу и воздавал благодарные слезы за нечаянную радость Ему, Который начал рассеивать несчастье, казавшееся безысходным, и возвращать нам первоначальное благополучие.

Когда же я пришел в город, то сначала разыскал святой храм, как причину благ, и воздал ему подобающую честь, оросив слезами пол и наполнив Божие святилище воплями плача. Оттуда меня проводили к дому, где жил мальчик, причем многие отправились вперед и поспешили предупредить мой приход добрыми вестями. Ибо все знали от уже прошедшей молвы, что я и есть тот прословутый отец проданного к ним в рабство, и не было никого, кто бы своим видом не выказывал признаки радости, но каждый, словно увидев безнадежно потерянного близкого, веселым лицом, ликуя, проявлял разделяющее мою радость настроение. И так, когда мы очутились рядом с воротами, они, позвав его и сказав, что я пришел, повели его встречать меня. Когда же мы увидели друг друга, ни я, ни он ничем не выразили удовольствия, но оба начали плакать, заливая слезами лица, а равно и хитоны на груди. И он подбежал, с трудом узнавая меня, – ведь и волосы на моей голове, и одежда моя были в грязи, так что меня нелегко можно было узнать – но, похоже, веря скорее вестникам, чем своим глазам, шел с распростертыми руками, чтобы пылко обнять меня. Я же, несмотря на окружавшую его толпу, быстро узнал его – черты его лица были все те же, отчетливо запечатлевшиеся во мне заботами памяти – и, не совладав с радостью, сразу утратил телесные силы и, упав без чувств, лежал на земле, многими принятый за мертвеца. Ведь я уже давно из-за горя совершенно ничем от мертвеца не отличался, разве что видел и дышал, будучи мертв. И так, обхватив и обняв меня, он еле-еле заставил меня очнуться от обморока и узнать, кто я, где нахожусь и кого вижу перед глазами. Тут я, в свою очередь обхватив и поцеловав его, отвечал ему такими же объятиями, ненасытно удовлетворяя давнее вожеление. Затем, перейдя к словам, я стал оправдываться и убеждать его, что я виноват во всех испытанных им бедах, уведя его с родины и заставив поселиться в часто разоряемой стране, – и это было правдой. Ведь разве он когда-нибудь изведал бы что-либо плохое, живя на родной земле и обитая в отечестве, где повсюду был мир и ниоткуда не было угрозы такого злоумышления? А считающие рок неизбежным и утверждающие, будто некая необходимость ведет претерпевающих к их судьбе, пусть идут прочь. Наконец, я просил его рассказать о случившемся с ним во время пребывания у варваров, ведь повествование уже не было горестным, когда испытания миновали. Ибо как здоровье после болезни и исцеление после ранения радует, а не огорчает, так и рассказ о прискорбных вещах после избавления доставляет много удовольствия, может быть столько же, сколько боли причиняло переживание их.

7.

И он, тяжело и глубоко застонав, с полными слез глазами сказал: «Что пользы, отец, в воспоминаниях о тягостном? Ведь память имеет обыкновение бередить язвы пострадавшего. Ибо, даже если повествование приятно ушам слушающего из-за любви к рассказам, доставляя одному удовольствие страданиями другого, оно, тем не менее, не оставляет пережившего свободным от боли прошлого страдания, почти так же пробуждая сострадание и словно прикосновением заставляя саднить рубец еще плохо зажившей раны. Но поскольку мне известно, что ты не перестанешь докучать, пока не узнаешь, что хочешь, – ты ведь хочешь найти в необычном моем спасении предмет славословия, привыкнув воспевать Бога даже за незначительные благодеяния, – выслушай с мужественным духом, чтобы, сострадательно стеноя о приключившихся несчастьях из-за отцовской жалости, не довести и меня до рыданий и чтобы жалобные всхлипы не мешали произносить слова, если мой голос, что естественно, будет прерываться нечленораздельными звуками плача.

Итак, многое, вам, конечно, рассказал раб Магадона после своего бегства, и повторение этого, пожалуй, отвлекло бы и обременило слух, жаждущий нужного ему, но часто испытывающий тошноту от повторений из-за пресыщения и многословия, – то же, что произошло после его побега, необходимо изложить, раз ты приказываешь. Как он сказал – а он, конечно, сказал, – варвары приняли решение о моем заключении, и с вечера все было готово к жертвоприношению: алтарь, меч, возлияние, чаша, ладан, и ранним утром предстояла смерть, если бы Бог не воспрепятствовал ей, как Он и воспрепятствовал. Когда же тот, не скрыв от меня побега, убежал, и поимка его была уже сомнительна из-за дальности пути и затруднительности

преследования, потому что не только время от вечера до рассвета дает беглецу достаточный промежуток, но и из-за неясности направления непонятен был способ преследования (ибо кто столь искусный следопыт и успешный отгадчик неизвестного, чтобы выследить [кого-то] на таком пространстве пустыни, не найдя никакого следа его движения? – ведь она вся скалиста и изрезана оврагами и не показывает оставленного на ней следа), я лежал ничком на земле, обратив лицо вниз, а умом воспарив ввысь на крыльях скорби и ввиду предстоявшей смерти всецело заняв помысел молитвой без всякого отвлечения, тайно говорил Богу такие слова. Ведь когда нет страха, помысел в нетрезвенных людях рассеивается, воображая торговлю, морские плавания, строительство, насаждения, обручения, свадьбы, деторождение, военную службу, заработки, тяжбы, суды, трибуны, престолы, глашатаев, начальников, мщение врагам, встречи и общение с друзьями, общественные должности, предводительство, распоряжения и само царское достоинство, а когда обстояние сосредоточит его благодаря страху перед опасностью, отвратив от тех вещей, по которым он привык рассеиваться, будучи безбоязнен и свободен, он весь становится поглощен своим горем и, умоляя, просит Бога, единственного, Кто легким мановением дает выход из безнадежного положения и говорит: "Владыка, Создатель всего видимого и умопостигаемого творения, в Чьей руке сердца всех Созданий Твоих; обращающий в жалость дикость неразумного гнева, когда благорассудительным суждением Ты хочешь спасти предаваемых на смерть властным приговором, укротивший ярость диких зверей, рвущихся пожрать человеческие тела, усмиривший разливающийся порыв огня, и одним мановением наславший оцепенение на разгоревшееся пламя, и сохранивший невредимыми осужденных на гибель, и неизреченной и чудесной силой явивший волосы и кожу сильнее огня⁶, спаси того, кому неоткуда надеяться на помощь и кто вот-вот будет лишен жизни по вражьему приговору, кто в вероятности уже мертв, не дай моей крови стать возлиянием бесам, и да не возрадуется лукавые духи чадом моей плоти. Они приготовили меня для жертвоприношения звезде, тезоименной развратной страсти. Да не станет доселе чистое тело закланием и жертвой для беса, тезоименного распутству, но перемени зверовидное сердце дикарей к снисходительности и кротости, Ты, Который переменял распаленный гнев мидийского царя Ассира против Эсфири⁷ и превратил жестокую ярость в сострадательную милость, спаси душу, положившую целью служить Тебе, верни старику отцу, Твоему слуге, в неприкосновенности его сына, который будет богочестив, насколько [осуществится] его намерение. Ведь я приступаю сейчас к этой исповеди не из страха перед опасностью, чтобы обещание считалось платой за спасение, – ибо властью помысла я уже предвосхитил муку предсмертного страдания. Покажи, что вера скорее приносит спасение, чем быстрота ног, и что надежда на Тебя крепче бегства. Бежал от смерти тот, кому предстояло быть принесенным в жертву на рассвете, и бегством добыл спасение, а я остался, ожидая Твоего решения, и пребываю в руках вражеских, полагаясь на Твою помощь. Он поверил своим ногам, а я – Твоей силе: пусть же Божественное упование не окажется слабее телесной надежды. Он спасся, воспользовавшись темнотой для побега, и хорошо, что спасся: вот, застал меня дневной свет, так спаси меня Своей премудростью Ты, даровавший живым свет для исполнения Твоих заповедей".

В таких молитвах с горькими слезами застало меня, бессонного, утро, и, подняв голову, я увидел, как над горизонтом показалась утренняя звезда. Итак, встав с земли, я сел, обняв руками колени и склонив на них полное слез лицо, и снова взывал в своем сердце к Тому, Кто мог избавить меня мощной силой Духа, и говорил: "Чудотвори со мною милость Твою⁸, Владыка жизни, и имеющий и власть смерти, Который чудотворил со святыми, попавшими в беду и спасенными от всякой скорби, чтобы мы имели дерзновение призывать Тебя и быть уверенными, что и впредь будем спасены, в каких бы бедствиях не оказались, имея в них образец Твоей помощи. Ты спас от заклания Исаака, лежавшего уже у самого алтаря, и звуком голоса остановил отца, намеренного вонзить меч⁹. Ты уберег Иосифа от устремленной на убийство братской десницы¹⁰, а когда против него снова затеяли злоумышление, Ты вывел его из несправедливых уз и заточения и после долгого оплакивания вернул отцу царствующим¹¹. Ты избавил от подобной же беды и отца его Иакова, освободив его от зависти из-за отеческого

⁶ Имеются в виду три отрока, брошенные в огненную печь, – ср. Дан. 6:22 сл.

⁷ См. Эсф. 5:1, церковнославянский вариант. Однако во всех версиях книги «Эсфирь» речь идет о царе Артаксерксе.

⁸ Ср. церковнославянский текст Пс. 15:3.

⁹ См. Быт. 22:9 сл.

¹⁰ См. Быт. 37:26–27.

¹¹ См. Быт. 41:14, 40 сл.; 45:26 сл.

благословения¹² и сохранив от бешенства свирепого Йсава у Лавана в Междуречье¹³, где ты сберег и Моисея, бежавшего от тирании египтян¹⁴. Ты, подняв с ложа двух мертвых отроков, по пророческой молитве представил их живыми матерям-вдовам¹⁵. Один и Тот же Ты, Владыка неизменный, той же самой силой творил необычайные дела тогда и сейчас. Верни и меня отцу, надеющемуся на Твою милость, Властитель, и помощью Своею прекрати безутешный плач, и дай не знающим имени Твоего подивиться державе мощи Твоей, превоспетый Царь всякой силы!"

Пока же я был занят этим, они пробудились в смятении, потому что час жертвоприношения прошел, ибо солнце уже озарило землю, и, не найдя второго, расспрашивали меня, что случилось. И получив ответ, что я, будучи с ними, не знаю о том, кого не видно, успокоились, не пригрозив мне и не выказав признаков раздражения. Тогда мой дух пришел в себя, и я благословил Бога, не пренебрегшего молитвой смиренного, и тут уже у меня появились смелость и дерзновение, потому что это, конечно, Бог дал мне такую благодать. И когда они велели мне есть мерзость, я возражал и не слушался их приказаний позабавиться с женщинами, пока, наконец, мы не подошли близко к населенной местности. Ибо тогда, не знаю с какими замыслами, они привели меня в селение, называемое Сибайта и объявили тамошним жителям о моей продаже. Но много раз возвратившись восвояси ни с чем, потому что никто не захотел дать больше двух золотых, они в конце концов вывели меня, поставили, как обычно, вблизи селения и приставили к моей шее обнаженный меч, говоря всем, что если никто не купит, они немедленно зарубят меня. Я же молил приходивших покупателей, распростерев обе руки, и призывал дать, сколько просили варвары, и не оказаться мелочными, давая цену за человеческую кровь, и говорил, что и деньги в недолгое время возьму, и буду усердным рабом купившего меня, если тому будет угодно, даже после возмещения платы признавая господином выкупившего мою жизнь. Итак, тут только некто, пожалев меня, рыдавшего и проливавшего слезы, наконец-то купил, а оттуда, как ты знаешь, я был перепродан сюда, если свести многие события к краткому пересказу. Ведь я вижу, что ты взволнован, и близок к слезам, и собираешься плачем смутить радость. Вот что я претерпел, отец, и, претерпев, освободился, а ты уж теперь прославляй Бога за мое нечаянное и необыкновенное спасение.

«Но ты, – сказал я, – дитя мое, бедствуя, изведал тысячу опасностей и в ожидании претерпел много смертей, хотя благодатью Божией и избег настоящей смерти, ибо поистине одно и то же ожидать смерти и испытать ее на деле. Я уж не говорю, что и тяжелее: ведь рассечение причиняет не такую боль, как предшествующее ему ожидание, продолжительным страхом растягивающее язву скорби и заставляющее чаемую боль, словно настоящую, длиться долгое время. Я же в час этой муки отверз уста мои ко Владыке и обещал суровое рабское служение в воздержании и прочих лишениях, если только получу тебя назад живым, и во сне услышал голос, говоривший: "Да уставит Господь слово, исшедшее из уст твоих". И нельзя, дитя мое, чтобы нарушил обязательство и солгал тот, кто Божественным ответом удостоверил свое обещание, раз молитва нашла столь добрый исход». «И я, – сказал он, – усердно примусь за труд вместе с тобой, отец, и разделю с тобой обещание, потому что разделил и благодать и получил большую часть благодеяний. Ведь ты избежал переживания, а я – самого претерпевания смерти. Между тем, даже если бы все дарование Божие было на благо [лишь] тебе, нужно было бы, благодаря Бога за отца, относить к себе и благодеяние, и воздаяние, пусть за это благодеяние и пришлось бы перенести что-нибудь ужасное. Ибо, если Иеффау, давшему обет за победу на войне, его дочь услужила собственным умерщвлением и согласилась стать закланием и жертвой за свершения отца, то кем был бы я, если бы не поторопился выплатить отцовскую пеню, тем более, что я отдал бы долг Богу, у Которого в обычае отдавать за отплату повторной благодатью и Который принимает отдаваемый долг не как долг, но как заем, и признает, что должен расплатиться, превращая новый дар в еще одно воздаяние за благодарность должника, словно за заем; Который всегда расточает милости и всегда расписывается в задолженности тем, кто берет взаймы благодеяния, и любое возвращение их считает щедростью, чтобы, будучи вечным Началом милостей, отдавать милости и в качестве должника из-за любодаровитой и щедрой Своей природы? Поэтому, отец, имея меня усердным соплательщиком, начни возвращать долг – Бог же, конечно, зная нашу

¹² См. Быт. 27:27.

¹³ Ср. Быт. 27:43.

¹⁴ Таких сведений в Библии нет. Возможно, Нил опирается на апокрифический источник (если только речь не идет об исходе Моисея из Египта вместе со всеми евреями).

¹⁵ См. 3 Цар. 17:21–22; 4 Цар. 4:34–36.

силу, в соответствии с ней и востребует причитающееся, и не оклеветает слабость природы, взыскивая непосильные труды».

К этим словам присоединил и я свою молитву, и сказал: «Да исполнятся они и на деле, дитя мое, и да явятся в действительности, чтобы и обещание нашло доброе завершение, и обет стал действенным, и вознаграждение последовало за трудами. Ибо это цель и предел всякого дела, творимого по Богу, чтобы деяния были запечатлены воздаянием, и венцы засвидетельствовали борьбу, потому что достоверности вознаграждения каким-то образом присуще выявлять достоинство дел, и неоспоримым наградам – быть свидетельством подвига».

Боголюбивый же тамошний епископ, долгое время обихаживавший нас и не в малой мере давший оправиться от предыдущих злоключений, призывал остаться у него и благожелательно обещал во всем всяческое отдохновение, но чтобы из-за подозрения относительно уплаченных за мальчика денег не казалось, будто он использует принуждение и требует остаться скорее как господин, он позволил нам делать все, что заблагорассудится, только в одном применив к нам насилие, наложив на нас против нашего желания иго священства. Ибо мы, размышляя о тяжести служения, жаловались, досадуя, и невыносимо нам было наложенное бремя, превышавшее наши силы, и едва святым подходящее – в том, что касается образа жизни. Ведь и тем оно казалось тяжким, и они, призываемые, утверждали, что достоинство это выше них, и долго возражали Богу, выставляя свое недостоинство, и отказывались от рукоположения под предлогом слабости, хотя были пригодны к этому делу лучше, чем все теперешние, и из-за упражнения в добре могли вернее иметь дерзновение к Богу в служении. Он же говорил, что честь подобает трудам, считая, что это достоинство было вознаграждением за тяготы борьбы. Итак, когда мы захотели отправиться оттуда и пойти домой, весьма щедро снабженные припасами на долгую и достаточно протяженную дорогу, он, пожелав, чтобы благодать Божия сопровождала нас, даруя отныне мир, с тем отпустил нас, не хвастаясь неумно своим положением господина, как, может быть, кто-нибудь другой кичился бы властью над купленным, но облегчив даже кажущееся несчастье многими увещаниями, по снисходительности и умеренности нрава избегая выглядеть заносчивым.

Повесть же моя пусть здесь и закончится, где прекратились бедствия, после многих страданий Божией благодатью дав начало более радостной жизни¹⁶.

¹⁶ В рукописи V (Vaticanus Palatinus graecus 351, f. 57v) далее, среди прочего, следует такое стихотворение (=Anthologia Palatina I, 100):

Нила речная струя напоят тучные земли,
Нила же инока речь умы услаждает людские.